

ФЕНИМОР КУПЕР

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ  
РОМАНОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ  
Н. МОГУЧЕГО

ТОМ X

---

„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“  
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ФЕНИМОР КУПЕР

В ВЕНЕЦИИ  
САТАНСТОЭ

ВТОРАЯ ТЫСЯЧА

---

„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“  
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

К

28-28804

J. FENIMOR COOPER

# THE BRAVO

# SATANSTOE

Переплет и обложка по рис. худ. А. Могилевского  
Отпечатано в типографии Госиздата  
„Красный Пролетарий“. Москва,  
Пименовская улица, 16,  
в кол. 7000 экз., 17 л.  
Главлит № А—3939  
МСМХХVІІІ

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Романы Фенимора Купера „В Венеции“ („Браво“) и „Сатанстоэ“ в значительной мере повторяют те черты творчества знаменитого романиста, которые составляют его главнейшее отличие. В обоих романах внимание автора привлечено к сильным личностям, бесстрашно вступившим в борьбу с людьми и обстоятельствами и, благодаря своему преодолению самых жестоких препятствий.

Надо упомянуть, что роман „В Венеции“ был первым опытом Фенимора Купера, в котором он отказался от увлекательной опрашки приключений или романтической борьбы с краснокожими. Возникли и многие упреки современников автору, в которых сказывалось недовольство тем, что признанный мастер „морского“ и „американского“ романа выступил в новой, якобы несвойственной его дарованию форме. Тогда же откликнулся В. Г. Белинский, решительно ставший на сторону нового произведения Ф. Купера.

В. Г. Белинский писал:

„Признаемся, не без страха принялись мы за чтение „Браво“. Было бы грустно удостовериться, что такой великий художник, как Купер, мог писать плохие романы... Вот мы уже через великую силу прочли другую... перевод (роман вышел в очень скверном переводе!) уже не наше терпение, нашу любовь к искусству, готовую на великие жертвы даже на чтение таких переводов... но вот мрак начал рассеиваться: очерки стали превращаться в живописные фигуры, слабые тени — в образы и лица, и, несмотря на ужасный перевод, мы уже не читали, а с жадностью пожирали остальные главы и части...

С обычной отчетливостью В. Г. Белинский выделяет основные художественные элементы, которые в романе Ф. Купера производят сильное впечатление на читателя:

„И теперь, когда уже роман давно прочтен, и теперь носите вы своими глазами эти дивные образы, которые могла создать только великая фантазия великого художника. Вот старый рыбак Антонио, с его энергичностью и нравом, с его благородной грубостью; вот глубокий, могучий, холщевый браво; вот кроткая, чистая, милая Джельсомина; вот и лукавая Аннина — какие лица, какие характеры! Коварная, мрачная, жадная политика венецианской аристократии, нравы Венеции, регистратура гондольеров, убийство Антонио — все это выше всякого описания, выше всякой похвалы. И все это так просто, так обыкновенно, так повидимому; люди хлопочут, суетятся: кто хочет погулять, кто достать женок, кто поволочиться, кто пощеголять; лица всех веселы, пуб...

## ПРЕДИСЛОВИЕ

гулянья пестреют масками, по каналам разъезжают гондолы, но из всего этого выставляется какой-то колоссальный призрак, наводящий на вас оцепеняющий ужас. И все действие продолжается каких-нибудь три дня; внешних рычагов нет—вся драма завязывается из столкновения разных индивидуальностей и противоположности их интересов, все события самые ежедневные...

Живописность романа, действительно, не подлежит оспариванию. Но нам хочется сделать ударение на другом. Конечно, роман Фенимора Купера не является историческим в полном смысле этого слова. Факты в нем преломляются сквозь призму известного романтического увлечения прошлым. И многое, может быть, выпало из той картины нравов, какая изображена выразительными и яркими мазками. Но одно в ней, несомненно, верно: правдиво раскрыт характер аристократической Венецианской республики. Фенимор Купер не мог, да и не задавался целью, обнажить экономические пружины, управлявшие политикой дожей и сената. С нас достаточно того, что под пышными мантиями дожей и их советников он нашел только преступления, жестокосердие, безграничную жадность. Сенатор, пытающийся руководствоваться своими сердечными порывами, кажется жалкой и беспомощной фигурой среди собрания этих представителей подлинно „кинжальной“, по меткому слову В. Г. Белинского, венецианской политики. Фенимор Купер показал также, что эта несправедливая и бесчестная политика всей своей тяжестью ложилась на бедноту, на широкие массы народа.

Не нужно думать, что такой показ проведен писателем последовательно на всем протяжении романа. Фигуры дона Камилло и сенатора Соранцо, руководящихся справедливостью, должны примирить читателя с аристократией, с „верхними“ этажами человеческого общества. Но, в конечном счете, в центре внимания оказываются не они, а убитый за свое прямодушие рыбак Антонио и безвинно осужденный Джакопо. Эти персонажи, выхваченные из гущи простонародья, противостоят развращенным правителям Венеции. Мнимый наемный убийца оказывается морально выше и честнее „сливок“ венецианской знати. Представитель христианской религии, монах-кармелит отец Ансельм, изображенный на этот раз Ф. Купером со всей симпатией, оказывается лишь орудием в руках палачей; все его возвышенные представления о долге, справедливости и т. п. оказываются смешными иллюзиями жалкого и бессильного бороться с правом силы человека.

Роман „Сатанстоэ“ возвращает нас к циклу американских романов Ф. Купера. Нового мы найдем в нем очень мало. В нем повторяются картины сражений во время англо-французской войны в Канаде, жестокости индейцев и смертельные опасности, преследующие героев. Благородная фигура Сускезуа во многом напоминает героя романа „Последний из могикан“—Ункаса. В романе повторены и все недостатки произведений Ф. Купера, посвященных завоеванию белыми девственных пустынь Америки. Индейцы изображены в слишком мрачных красках, а ограбление их белыми, за бесценок скупающими огромные земельные пространства, встречает в устах героя повести нелепое оправдание: дескать, земли эти были завоеваны. Ф. Купер, в полном соответствии со своими предрассудками буржуазного писателя, не может понять, что само по себе завоевание Америки, сопровождавшееся беспощадным

## ПРЕДИСЛОВИЕ

вытеснением индейцев, не имеет оправдания. Рисуя отдельных благород и привлекающих симпатии индейцев, он не пытается глубже и серьезнее проникнуть в характер всей индейской расы, ограничиваясь описанием бьющих в глаза жестокостей...

С ложной идеализацией выведены Купером в этом романе и действующие лица—офицеры.

Но роман интересен не с этой стороны. В нем мы не найдем правдивого изображения эпохи. Он волнует и захватывает умело развернутым драматическим сюжетом, который, при всей своей сложности, не может звать упрека в искусственности или нарочитости. Мужественные, прямые герои Ф. Купера, борющиеся среди бушующего половодья, и бирающиеся сквозь чащу девственного леса, осаждаемые в одиночестве индейцами,—волнуют, прежде всего, твердостью своей воли, се дружностью, находчивостью и неустрашимостью. Такие качества нужны нам и в современниках, соединенные с борьбой за освобождение угнетенных и эксплуатируемых, без различия цвета кожи. Но новые люди должны бороться не за личное счастье: их судьба должна быть кровно связана с судьбой всего борющегося класса, нам нужны не герои одиночки, а революционеры—участники коллектива. Мужество, стойкость, вера в победу должны быть их неотъемлемыми качествами. Настроение романов Ф. Купера в этом отношении примыкает к тем настроениям, какие мы хотим воспитывать в людях нашего класса...

Роман „Сатанстоэ“, как и „В Венеции“, менее ярок внешне. Но последующие главы изобилуют такими драматическими эпизодами и яркими описаниями, какие не уступают лучшим страницам знаменитого романиста...

В ВЕНЕЦИИ

(1843.)

## ГЛАВА I

Солнце скрылось за вершинами Тиролевских Альп, и луна уже нялась над островом Лидо; сотни пешеходов выходили из узких Венеции<sup>1</sup> и направлялись к площади святого Марка; галантные кавалеры, франтоватые горожане, солдаты-далматинцы, матросы с галер, еврейские лиры из Риалято<sup>2</sup> и купцы с востока, путешественники, авантюристы, аристократы и гондольеры<sup>3</sup>,—все стремились к центру общих развлечений. Робкий вид и безразличное выражение лиц одних, степенный и беспокойные взоры других, хохот весельчаков, взвизгивание и свист флейтиста, кривлянье шута и сосредоточенный вид импровизатора<sup>4</sup>, деланная и грустная улыбка арфиста, крики продавцов воды, плащаницы монахов, султаны военных, гул голосов, шум и движение,—все с характерной обстановкой площади невольно приковывало внимание телей.

Расположенная на границе западной и восточной Европы и находясь в постоянных сношениях с Востоком, Венеция, более чем какой-либо из многочисленных портов этого побережья, поражала пестротой и костюмов. В эпоху, к которой относится наш рассказ, Королева городов, как называли Венецию, хотя и перестала уже быть владычицей Адриатического моря, но оставалась еще боги и могущественной. Она не утратила своего значения, и ее торговля, и переживавшая упадок, все-таки могла поддерживать еще внешний блеск города.

Обширная площадь святого Марка быстро наполнялась: кофейни, верны, устроенные под портиками, окружавшими площадь, были уже переполнены посетителями. В то время как под арками все было залито светом фонарей и ламп, ряд зданий, называемый Дворцом Прокураторов, массивная постройка Дворца Дожей<sup>5</sup>, древнейший собор святого Марка<sup>6</sup>, гранитные колоннады Пьяццетты, триумфальные мачты Большой площади и высокие

<sup>1</sup> Венеция расположена на 118 островах, почти в четырех километрах от материка, и перерезана 157 каналами.

<sup>2</sup> Риалято—мост через Большой канал, где находился своеобразный базар.

<sup>3</sup> Гондола—особого устройства лодка, служащая основным средством передвижения в Венеции, по пересекающим город каналам. Гондольер—лодочник.

<sup>4</sup> Импровизатор—поэт, сочиняющий стихи к случаю, сразу, без предварительной работы над ними.

<sup>5</sup> Дожа—титул правителей Венеции в ту эпоху.

<sup>6</sup> Святой Марк считался покровителем Венеции.